

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

Психологические исследования проблем современного российского общества

Ответственные редакторы

*А. Л. Журавлев,
Е. А. Сергиенко*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2013

УДК 159.9

ББК 88

П 86

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Редколлегия:

*Г. А. Виленская, А. Л. Журавлев (отв. ред.), К. Б. Зуев, Ю. В. Ковалева
(секр.), Е. И. Лебедева, Е. А. Никитина, Е. А. Сергиенко (отв. ред.)*

**П 86 Психологические исследования проблем современного
российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиен-
ко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 502 с. (Труды
Института психологии РАН)**

ISBN 978-5-9270-0269-6

УДК 159.9

ББК 88

Научные статьи, вошедшие в эту книгу, посвящены изучению новых и острых проблем современности: представлений о стихийных бедствиях (на примере аномальной жары и ее последствий), отношения к табакокурению, представлений людей об их экономическом будущем, проблем изменения психологии профессиональной деятельности в условиях рыночной экономики, проблем семьи, ее жизнеспособности, культурных различий и мн. др. Книга составлена по итогам выполнения специально организованного в Институте психологии РАН научно-исследовательского и научно-издательского проекта, продолжавшегося в течение последующего времени после выхода первого сборника и имевшего межлабораторный статус. Таким образом, настоящий сборник отражает очередной этап разработки актуальных проблем современного общества в фундаментальных исследованиях российских психологов.

Книга адресована специалистам в области психологии, социологии, философии и всем, кто ориентирован на анализ современных общественных проблем.

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2013

ISBN 978-5-9270-0269-6

МОДЕЛЬ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ СЕМЬИ

А. В. Махнач, Ю. В. Постылякова

Еще совсем недавно исследователи обсуждали в основном отдельные аспекты жизнеспособности в контексте психологии развития и перешли от понятия «неуязвимость» («непобедимость») к более динамическому понятию – «жизнеспособность» (Luthar et al., 2000). Определение жизнеспособности как процесса, а не как черты личности, позволило увидеть многомерную картину этого феномена и помогло нам понять, почему жизнеспособность может проявляться в одном социальном контексте, а в другом – не может.

Первые исследования семьи базировались в основном на дефицитарной модели (ее называют также медицинской моделью) с фокусом на структуре семьи, а не на процессах в ней. Главное внимание было обращено на структуру семьи – тип семьи, ее состав. На основании анализа этих факторов объяснялось большинство проблем семьи, строился прогноз успешного или неуспешного проживания ею соответствующих кризисных этапов.

Однако примерно с начала 1980-х годов исследователи стали обращать внимание не столько на структурные особенности семьи, сколько на процессы, проходящие в ней. Переход от изучения развития семьи в связи с ее структурой к изучению процессов, определяющих успешность/неуспешность совладания семьи с различными негативными влияниями внутри и извне позволил начать изучение динамики семьи и поиск минимизации негативных последствий воздействия стрессогенных факторов. Понимание того, что структура семьи не обязательно всегда предопределяет ее успех, постепенно стало появляться в ряде исследований. Признание в исследованиях факта, что характеристики семьи обуславливают ее функционирование, привело к пониманию того, что различные структуры семьи, которые раньше признавались дефицитарными,

могут создавать вполне здоровый паттерн взаимодействия в ней и быть нацеленными на здоровое развитие как семьи в целом, так и каждого ее члена.

Начавшись с рассмотрения сильных сторон семьи, совладающей со стрессом, постепенно к концу 1980-х годов акцент сместился на исследования жизнеспособности семьи (McCubbin, McCubbin, 1988; Hawley, DeNaan, 1996). Концептуализация термина «жизнеспособность семьи» в исследованиях последних лет происходит преимущественно в русле теории экологических систем У. Бронфенбренера, в которой упор на философию экологии позволяет расширить понимание этого феномена от узкого, детерминированного теми или иными факторами защиты и риска, до системной характеристики человека и семьи.

В настоящее время тема жизнеспособности семьи становится крайне актуальной, и появление коллективной монографии «Жизнеспособность семьи» под редакцией Дороти С. Беквар, в которой опубликованы статьи ведущих современных исследователей данной темы, свидетельствует о значимости изучения этого системного качества семьи. Впечатляет уже сам перечень работ: проанализированы эволюция понятия «жизнеспособность семьи» с 20-х годов XX столетия и до настоящего времени; рассмотрены методологические вопросы исследований жизнеспособности семьи, представлены подходы к включению данного понятия в клиническую практику; изучены некоторые частные вопросы жизнеспособности семьи (в замещающих семьях, в семейных парах военных, в связи со стилями родительства, в семьях, находящихся в зоне риска). В последнее время большое внимание уделяется вопросам жизнеспособности в контексте этнически различных семей (латиноамериканских, афроамериканских, корейских семей, семей американских индейцев), исследуется значение толерантности в жизнеспособности семьи. Некоторые частные аспекты жизнеспособности семьи в различных жизненных ситуациях – потеря близких, терпимость к неопределенности в семье, реакция семьи на потерю ребенка вследствие выкидыша, отношение к смерти родителей, к процессу старения – также находятся в фокусе внимания психологов. Важный аспект изучения жизнеспособности семьи связан с анализом навыков совладания в случае тяжелой болезни ребенка, реакции на хроническое или психическое заболевание члена семьи, усиления жизнеспособности посредством духовных ресурсов. Жизнеспособность семьи и общества является очень важной характеристикой в том числе

и в ситуации переживания массовой травмы. Жизнеспособность семьи определяет качество жизни афроамериканцев-взрослых, детей алкоголиков, женщин зрелого возраста, подвергшихся сексуальному насилию в раннем возрасте, сексуальную жизнь взрослых в семье, укрепляет силу духа дочерей, избиваемых неродными отцами (Handbook..., 2013).

Таким образом, разнообразие и широта проблематики свидетельствует о крайней актуальности темы жизнеспособности семьи. В связи с этим целью настоящей статьи является обсуждение подходов к созданию общей модели жизнеспособности семьи и некоторых принципиально важных ее составляющих. Также считаем необходимым обсудить взаимосвязи ключевых процессов в семье, определяющих ее жизнеспособность, и переменных, влияющих на ее формирование.

Операционализация понятия «жизнеспособность семьи»

Объективно оценивая значимость и актуальность исследований жизнеспособности семьи, ряд психологов указывает на крайне сложный путь операционализации этого понятия, соотнесения его с уже существующими парадигмами научного описания семьи как социального института или малой группы.

В некоторых работах жизнеспособность объясняется через три категории факторов, а именно: *позитивные индивидуальные факторы, факторы семейной поддержки и факторы благоприятных условий вне семьи* (Olsson et al., 2003; Wuman et al., 2000). Такой подход также позволяет думать о разработке конкретных навыков жизнеспособности каждого члена семьи, способствующих развитию жизнеспособности семьи в целом.

Концепция жизнеспособности семьи вышла из исследований, в которых изучалась роль индивидуальных свойств (черт) человека в его жизнеспособности, поэтому уже существующий релевантный теоретический концепт жизнеспособности человека был адаптирован и применен к изучению жизнеспособности семьи. Известно, что жизнеспособные семьи реагируют на риски путем мобилизации всех возможных защитных факторов для оказания помощи каждому своему члену в успешном совладании с различными стрессовыми обстоятельствами жизни. Поэтому семьи также можно считать жизнеспособными, когда они справляются успешно со значительными неблагоприятными событиями или стрессом, когда они переори-

ентируют свои модели функционирования к будущим серьезным проблемам семьи (Mangham et al., 1995; Patterson, 2002). Вместе с тем, жизнеспособность человека также может оказывать сильное влияние на семейные процессы (Walsh, 2003).

Для Л. Д. МакКуббин и Г. И. МакКуббин определяющими факторами жизнеспособности семьи являются ее рост и адаптация – и в целом, и каждого ее члена. Они рассматривают жизнеспособность как часть семейного развития, «успешной адаптации после травмы, если нет катастрофических условий для семьи» (McCubbin, McCubbin, 2005, с. 28). Именно успешность или неуспешность адаптации после травмы позволяет различать жизнеспособные и нежизнеспособные семьи. Жизнеспособные семьи находят свой путь через изменения и ситуационные трудности и могут справиться с трудностями, корректировать свою жизнь, адаптироваться и даже процветать, несмотря на трудности.

Известно, что разные семьи имеют разные реакции на стресс, поэтому существуют попытки связать модели и типологии семьи с теориями систем и с семейной терапией для понимания особенностей жизнеспособности семьи. Некоторые из этих работ опираются на исследования семьи, совладающей со стрессорами разного генеза (война, болезнь, потеря, жизненный этап, переезд, иммиграция) (Boss, 2006; McCubbin, McCubbin, 2005). Семейные защитные факторы могут увеличить просоциальное поведение и устойчивость к отрицательным последствиям кризиса или стресса, обеспечивая стабильную, но гибкую и благоприятную среду, которая способствует «стабильности, гармонии и росту членов семьи» (McCubbin, McCubbin, 2005, с. 31). В противоположность этому, плохо функционирующее семейное окружение приводит к появлению симптомов стресса, депрессии, тревоги и в итоге – к общей неспособности справиться с травмой или другими проблемами.

С точки зрения семейных систем, семья, являясь саморегулирующейся системой, взаимодействует с большими общественными, социальными, экологическими системами. Она корректирует свои роли, цели, ценности, правила и приоритеты в соответствии с внешними изменениями для того, чтобы достичь и поддерживать «баланс и гармонию». Способность «отскочить назад и преобразоваться» требует целого ряда компетенций в области общения, эмоций, духовности, отношений в сообществе. Культура и этническая идентичность может оказывать положительное влияние на жизнеспособность семьи: она помогает понять и исследовать изменения,

происходящие с человеком или в целом со всей семьей и является «источником стабильности и поддержки, как способ борьбы с проблемами повседневной жизни» (с. 32).

Согласно еще одному определению, жизнеспособность семьи «описывает путь, которым следует семья, когда она адаптируется и живет в условиях стресса, как в настоящем времени, так и в целом. Жизнеспособные семьи реагируют на условия стресса своими уникальными способами, в зависимости от контекста, уровня развития, учитывая сочетание факторов риска и защитных факторов, ради общей перспективы развития семьи» (Hawley, DeHaan, 1996, с. 293).

Как и жизнеспособность индивида, жизнеспособность семьи является временным и культурно-специфическим феноменом, который может изменяться с течением времени, так как семьи сталкиваются с различными проблемами и жизненными событиями. И, как и на индивидуальном уровне, семья может проявлять жизнеспособность в одной области функционирования, но не иметь ее в другой.

Жизнеспособность выходит за пределы простого предотвращения результатов негативных воздействий социальной среды (Cowan et al., 1996). Она влечет за собой адекватную или более чем адекватную адаптацию к жизненным невзгодам. М. Раттер утверждал, что жизнеспособность является результатом успешного сотрудничества с риском, а не уклонения от риска (Rutter, 1987). Многие исследователи полагают вслед за ним, что жизнеспособность возникает только с проявлением риска и неблагоприятных событий в семье (Cicchetti, Toth, 1998; Dekovic, 1999; Luthar et al., 2000; Masten et al., 1999; Werner, 1993).

Г. И. и М. А. Маккуббин были одними из первых, кто задал вопрос: «Что жизнеспособность значит для семьи?». Они уточнили определение жизнеспособности семьи в словаре Вебстера, включающее два компонента: 1) способность семьи сохранить созданные ею модели функционирования и после того, как она столкнулась с факторами риска, и 2) способность семьи быстро восстанавливаться после травмы или стрессовых событий, вызывающих или требующих изменения в организации семьи. Первое свойство они назвали «эластичность», второе – «непотопляемость» (McCubbin, McCubbin, 1991). Авторы рассматривают жизнеспособность семьи как состоящую из двух различных, но связанных процессов: 1) процесса приспособления, в котором семья опирается на существующие в ней *защитные факторы*, что позволяет ей сохранить свою целостность, функ-

ционирование, выполнять задачи в условиях риска, и 2) процесса адаптации: для приведения себя в норму семья основывается на *факторах восстановления*, адаптируется в ситуации кризиса (там же).

Г. И. и М. А. Маккуббин не приводят полный набор норм родительского поведения или моделей семейного взаимодействия, которые, по их мнению, могли бы свидетельствовать о жизнеспособности семьи. Они перечисляют факторы, помогающие формированию жизнеспособности семьи, сталкивающейся с различными кризисами. Наиболее известные *защитные факторы* следующие: семейные торжества, совместное времяпровождение в семье, семейные традиции; наиболее значимые *факторы восстановления* – интегрированность членов семьи в семью, поддержка семьи, формирование самооценки членов семьи, ориентация семьи на совместный отдых, оптимизм в семье. Трудности подобного выделения факторов состоят в том, что поведение членов семьи может зависеть от конкретной ситуации или от специфических характеристик семьи. Поэтому исследователями в их модели жизнеспособности был предложен третий набор характеристик, которые они назвали «общими факторами жизнеспособности семьи»: это стратегии решения задач в семье, эффективное общение, равенство, духовность, гибкость, правдивость, надежда, социальная поддержка, физическое и эмоциональное здоровье семьи (там же). В зависимости от ситуации, они могут являться как защитными факторами, так и факторами восстановления.

Еще одна модель жизнеспособности семьи была предложена Джозн Гаазе с коллегами. В ее основу был положен принцип триангуляции факторов. Опорными точками (компонентами) этой модели являются: *индивидуальные защитные факторы* (мужественное преодоление трудностей, надежда и духовность), *семейные защитные факторы* (семейная атмосфера, поддержка семьи, семейные ресурсы), *социальные защитные факторы* (ресурсы для поддержания здоровья и социальной интеграция). Данная модель была создана на материале исследований групп подростков с хроническими заболеваниями (в частности, больных раком) (Haase et al., 1999; Haase, 2004).

Считаем необходимым отметить следующее. Во всех моделях жизнеспособности семьи обращается особое внимание на роль т. н. «значимого другого»: для детей, если жизнеспособность изучается с учетом фактора наличия детей в семье; для старших членов семьи, если речь идет о многопоколенной семье; в супружеских отноше-

ниях, если исследуется влияние супружеских отношений на жизнеспособность семьи. Большинство исследователей жизнеспособности семьи указывают на то, что наличие хотя бы одного из родителей или заменяющего их человека (значимого другого) с адекватными и стабильными родительскими навыками является жизненно необходимым для жизнеспособности семьи (Fonagy et al., 1994; Hawley, DeNaan, 1996; Smith, 1999; Wolff, 1995; Kim-Cohen, Gold, 2009).

Наличие множества факторов, которые выполняют несколько функций, предполагает, что различные факторы, влияющие на жизнеспособность семьи, тесно взаимосвязаны и не обязательно специфичны для определенной области ее существования.

Исследователи жизнеспособности человека пришли к пониманию необходимости выделения общего набора характеристик, связанных с этим понятием. Сейчас тот же процесс происходит в пространстве изучения жизнеспособности семьи. Предстоит еще много работы в данной области, касающейся не только построения единой теории жизнеспособности, но и эмпирической проверки уже разрабатываемых теорий. В настоящее время некоторые ключевые понятия, используемые в исследовании жизнеспособности семьи, имеют как сходства, так и различия по сравнению с употреблением их в исследованиях жизнеспособности индивида.

Говоря о сходстве в понимании жизнеспособности человека и семьи, прежде всего мы обратим внимание на следующее. Понятие «жизнеспособность семьи», также как и «жизнеспособность человека», разрабатывается не как статический признак, а скорее как континуум. Именно потому, что все семьи являются так или иначе жизнеспособными, но в разной степени при разных обстоятельствах, жизнеспособность семьи должна рассматриваться как единица развития, наблюдаться во времени и в ее уникальном контексте, с тем чтобы понять, как семья живет, развивается, изменяется в условиях стресса. Р. Д. Парке и Р. Барел утверждают, что семья как единица изменяется и развивается в ответ на изменения жизненных обстоятельств на регулярные и незапланированные события в личной жизни каждого из ее членов (Parke, Buriel, 1998). По словам Ф. Уолш, жизнеспособность семьи с позиции теории семейных систем можно представить как «жизнеспособные отношения» в рамках семьи как функционального блока (Walsh, 1996). Поэтому для верификации признаков жизнеспособности семьи необходимо иметь свидетельства и факты совладания, управления семьей теми или иными стрессовыми событиями в краткосрочной и долгосроч-

ной перспективе и выхода ее в иной свой статус с использованием факторов восстановления.

Очевидно, что в исследовании с акцентом на функционирование семьи (при котором жизнеспособность семьи рассматривается как интерактивный процесс совладания, управления, восстановления и пр.) жизнеспособность семьи, по нашему мнению, не должна изучаться через поведение отдельных членов семьи. Семейная жизнеспособность – это не просто результат агрегированного поведения жизнеспособных членов в семье. С этой точки зрения интересны несколько исследований отечественных авторов, где основной акцент делается на изучение совместных процессов, происходящих в семье. Так, в работе Е. В. Куфтяк совладающее поведение супружеской пары рассматривается как групповой защитный феномен, изучается его динамика и структура на разных этапах функционирования семьи. Автор характеризует семейное совладание как сочетание индивидуальных и объединенных усилий, рассматриваемое в континууме «сходство – комплементарность» и являющееся процессом, в котором принимают участие оба партнера, причем имеет значение согласованность их поведения при столкновении со стрессами (Куфтяк, 2010). Ю. В. Ковалева изучает регуляцию поведения как совместного процесса в семье. Она определяет совместную регуляцию поведения как процесс взаимной подстройки и согласования регуляторных ресурсов партнеров, взаимодействующих в актуальной ситуации. На примере семей, находящихся на разных этапах жизненного цикла, показаны различные структуры совместной регуляции поведения, раскрыта специфика согласования системы индивидуальных ресурсов партнеров (Ковалева, 2012).

Систематизация факторов риска, защитных факторов и ключевых процессов, определяющих жизнеспособность, привела к появлению такой перспективы исследования жизнеспособности семьи, которая характеризует ее развитие как результат *транзакционных процессов регулирования динамических систем*. В этом теоретическом подходе семья рассматривается как организованное целое с организованными и взаимозависимыми субструктурами. Однако, по сравнению с изучением жизнеспособности человека, исследования жизнеспособности семьи проводятся в еще большем теоретическом пространстве разнообразия, с получением множества разных эмпирических данных. Вместе с тем появилось более полное понимание того, что влечет за собой жизнеспособность семьи, однако еще не вполне ясно, как этот феномен может быть измерен

(Hawley, DeNaan, 1996). Кроме того, в исследованиях жизнеспособности семьи не полностью интегрирован понятийный аппарат и соответствующие теоретические основания, например, психологии развития: в объяснении исследуемого феномена используются объяснение развития как двунаправленного, транзакционного обмена между членами семьи. Утверждается, что лонгитюдные исследования необходимы, потому что типичное направление и тенденции реакций семьи на стрессовые ситуации во временном измерении помогут осветить ее уникальные социальные и культурные «ответы» на вызовы социума в широком смысле (Kalil, 2003).

Факторы риска

В исследованиях факторов риска использовались различные определения риска. Г. Б. Каплан определил риски и как «ранний предиктор» появляющихся позднее неблагоприятных исходов, и как то, что «делает человека уязвимым» для неблагоприятного исхода (Kaplan, 1999, с. 36). Обсуждая влияние отдельных рисков на человека, М. Раттер определил фактор риска как переменную, которая напрямую ведет к патологии или дезадаптации, хотя он также предположил, что факторами риска являются основные процессы и механизмы, приводящие к неблагоприятным и проблемным результатам (Rutter, 1987). С. Лютар и Г. Кушинг утверждают, что факторы риска для семьи – это переменные, которые способствуют возникновению проблем в поведении ребенка (Luthar, Cushing, 1999). Р. Дж. Фридман и П. Л. Чейз-Лендсдейл считают, что если неблагоприятные события в жизни можно рассматривать как отклонение от нормы, то факторы риска или «хронический стресс» – как распространенные и устойчивые явления (Friedman, Chase-Lansdale, 2002). В литературе по жизнеспособности семьи многие жизненные обстоятельства определяются как факторы риска – потеря работы, бедность, развод, смерть, хронические заболевания и бесплодие. Подобные риски существуют на уровне личности, семьи, общества в целом.

Защитные факторы

Хотя понятие «защитные факторы» возникло из теоретических представлений об индивидуальном риске и жизнеспособности, концепция защитных факторов и факторов риска также была принята и для объяснения жизнеспособности семьи.

В частности, Ф. Уолш утверждает, что жизнеспособность семьи проявляется в тех процессах, которые помогают семье эффективно справляться с постоянным стрессом и становиться каждый раз более выносливой от кризисов, ее наступающих (Walsh, 1996). Иными словами, жизнеспособность семьи проявляется в успешном преодолении любых проблем, а защитными факторами являются те, которые оказывают ей содействие в этом. В своем теоретическом обзоре, базируясь на клиническом подходе к функционированию семьи, Ф. Уолш описала основные защитные факторы: они включают в себя систему убеждений, организационные процессы и процессы коммуникации (Walsh, 2002).

Дж. Пэттерсон предположила, что существует четыре ключевых процесса, которые помогают функционированию семьи и выступают в качестве защитных факторов при неблагоприятных жизненных обстоятельствах: сплоченность семьи (баланс между связанностью и индивидуализацией в семье); гибкость семьи (баланс между готовностью принять изменения и адаптироваться к ним и упорством в сохранении ранее существующих компонентов идентичности); связи (аффективные и инструментальные); смыслы семьи (то, как внутри семьи определяются проблемы, в каком контексте семья живет) (Patterson, 2002).

Таким образом, за последние двадцать лет исследователями проделана колоссальная работа по систематизации факторов риска и защитных факторов, определяющих жизнеспособность семьи. Переход от исследований индивидуальной жизнеспособности человека в семье к исследованиям жизнеспособности семьи как системы с акцентом на экологию семьи детерминирован необходимостью поиска условий, при которых семья формируется жизнеспособной при любых способах воздействия на эту интегративную характеристику семьи.

Контекстуальный подход к изучению жизнеспособности семьи

По мнению Ф. Уолш, жизнеспособность семьи представляет гибкую конструкцию, которая включает в себя различные сильные стороны семьи в различных контекстах и на разных этапах ее жизненного цикла. Данная структура призвана отражать «основной» компонент концепции жизнеспособности семьи и защитные факторы, влияющие на нее, но это вовсе не означает, что семьи, признан-

ные жизнеспособными, должны демонстрировать все эти качества во все времена и во всех ситуациях. Возможно, по этой причине Ф. Уолш и не предлагает «иерархию» защитных факторов и не выделяет какой-то отдельный фактор (или их совокупность) как более важный.

Известно, что влияние защитных факторов контекстуально обусловлено. В обсуждении индивидуального риска и жизнеспособности С. Лютар отмечает, что такой защитный фактор, как академические компетенции (т. е. школьная успеваемость), может помочь ребенку преодолеть риск в одной сфере жизни, но это может не случиться в других сферах. Она отмечает также, что высокий уровень интеллекта связан с более выраженным уровнем одиночества в группе детей из городских семей с низким уровнем дохода. Утверждая, что влияние защитных факторов может меняться в зависимости от контекста, в терминах периодов развития и социально-экономических обстоятельств Д. Чикетти, Ш. Тос подчеркнули важность оценки последствий как рисков, так и защитных процессов в свете этих контекстов. В примерах о жизнеспособности семьи, взятых из литературы, описываются несколько поколений, живущих вместе, опыт которых полезен в некоторых обстоятельствах для обучения матерей-подростков, но вреден в тех семьях с юными матерями, где высок уровень конфликта, возникающий в вопросах воспитания детей, распределения домашних обязанностей (Cicchetti, Toth, 1998).

Таким образом, основные акценты в рассмотренных подходах к изучению жизнеспособности семьи следующие: 1) фокусирование внимания на процессах, происходящих в семье (организационные, смысловые, адаптационные, совладающие и др.), которые выступают в качестве защитных факторов; 2) необходимость учета контекста функционирования семьи, что способствует более полному пониманию ситуации, в которой находится семья, а также позволяет учитывать факторы риска на уровне личности, семьи и общества; 3) учет обеспечивающей развитие семьи транзактной природы регуляции ее функций.

При разработке дескриптивной модели жизнеспособности семьи мы опирались на транзактные модели стресса (Сох, 1978; Lazarus, 1966; и др.); на контекстуальную модель семейного стресса П. Босс (1987) и на интегративную модель стресса К. Матени с соавт. (Matheny et al., 1986). Последняя модель, первоначально предназначенная для изучения индивидуального стресса, включает в себя:

а) изучение внутренних и внешних требований, предъявляемых к личности (стрессоров); б) изучение оценки человеком серьезности этих требований, адекватности собственных ресурсов и выбор вариантов для совладания с предъявленными требованиями; в) изучение стрессовой реакции.

Контекстуальная модель П. Босс позволяет наиболее полно представить не только контексты и уровни функционирования семьи, но и понять возможные источники семейных стресс-факторов и семейных ресурсов.

Интегративная модель К. Матени была выбрана нами потому, что она позволяет изучать:

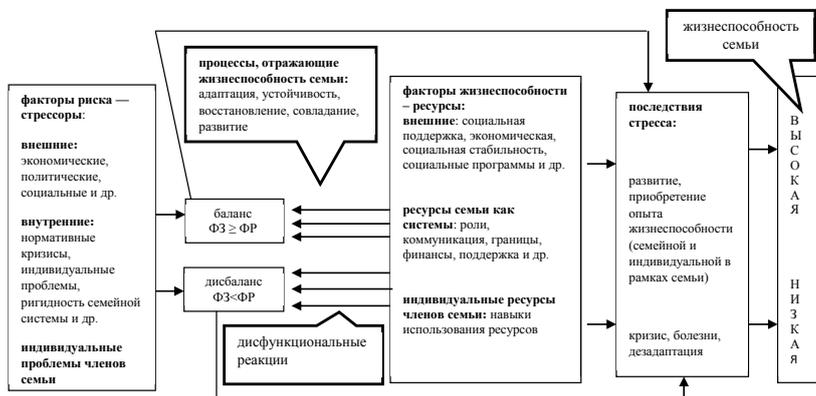
- действующие стресс-факторы (внешние и внутренние, а также те, которые не несут в себе непосредственной стрессовой угрозы, но предполагают стремление к достижению значимых целей);
- процессы когнитивной оценки требований ситуации и возможности совладания с ней;
- широкий спектр ресурсов (внешних и внутренних);
- различные виды стрессовой реакции и стратегии совладания.

Кроме того, в данной модели важная роль отводится несоответствию между требованиями, предъявляемыми человеку, и его неумением воспользоваться ресурсами для совладания со стрессом. Это особенно значимо при изучении жизнеспособности семьи, поскольку основными законами существования семьи являются закон гомеостаза и закон развития, а жизнеспособность семьи напрямую зависит от сохранения баланса между факторами риска и факторами жизнеспособности, что обеспечивает семье возможность развития. Все это представляется важным при изучении жизнеспособности семьи – интегративного понятия, включающего совладающие и адаптационные процессы в семье (Walsh, 2003), которые позволяют ей сохранять себя в качестве функциональной единицы и развиваться.

Мы использовали данные модели применительно к семейной системе (см. рисунок 1). При этом стрессоры рассматривались нами в качестве факторов риска, которые могут заключаться и во внешней среде (экономические, социальные, политические, культуральные и др.), и внутри семейного контекста (болезнь члена семьи, нормативные семейные кризисы, ригидность семейной системы, плохая коммуникация, стремление к определенным целям, достижениям и др.). Воздействуя на семейную систему, факторы риска предъявляют требования к способности семьи отвечать на стрессовую угрозу

на основе защитных факторов (факторов жизнеспособности), предполагающих умение и готовность взаимодействовать, меняться, совладать, адаптироваться. Для этого семья использует свои семейные ресурсы (индивидуальные и семьи как системы), а также привлекает ресурсы, лежащие во внешней среде. Эти ресурсы, в свою очередь, обеспечивают процессы совладания, адаптации, взаимодействия и др. Если в результате ответа на стрессор достигается баланс между факторами риска и защитными факторами или последние превышают факторы риска, то такую семью можно рассматривать как жизнеспособную в той или иной степени. По нашему мнению, жизнеспособную семью отличает ее умение активно использовать свои ресурсы, обращаться и оперировать теми ресурсами, которые будут адекватны в той или иной сложной ситуации, будут обеспечивать различные стратегии совладания, позволять семье адаптироваться к меняющимся условиям, изменяться самой и, в конечном итоге, развиваться.

Однако на практике оказывается, что одна и та же семья может более успешно справляться с одними проблемами и менее успешно с другими или же не справляться с ними вовсе, т. е. показывать различные уровни жизнеспособности в разные периоды времени и при разрешении различных проблем. Это зависит от характера факторов риска и времени их действия, от разнообразия целей,

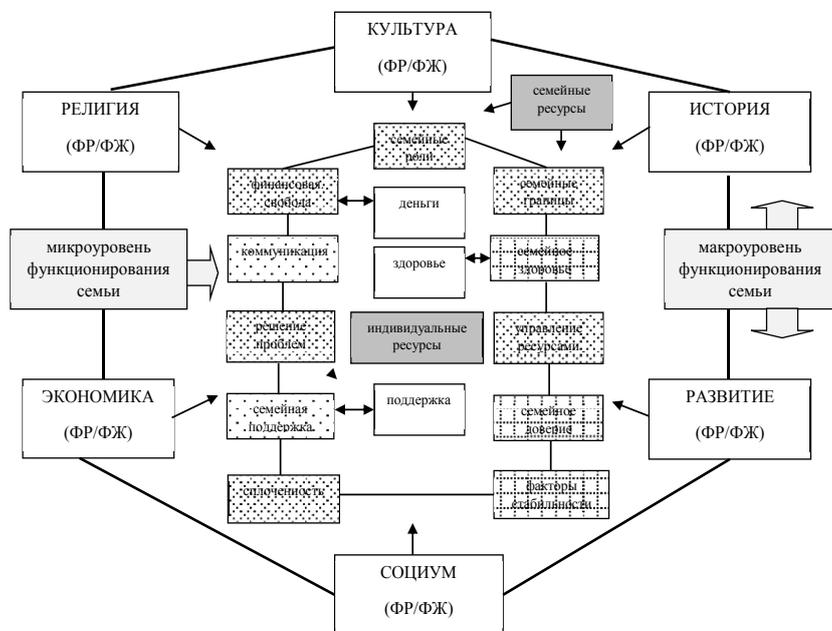
Рис. 1. Динамическая модель семейного стресса с учетом факторов риска и факторов жизнеспособности
ФЗ – факторы защиты, ФР – факторы риска.

которые семья стремится достичь и которые требуют различных способов достижения, от наличия в семье определенных ресурсов и умения оперировать этими ресурсами.

Как уже отмечалось выше, в качестве трех основных составляющих, оказывающих существенное влияние на семейную жизнеспособность, выделяют систему семейных ценностей (верований, убеждений), организационные паттерны и коммуникативные процессы. Мы соотнесли с этими составляющими семейные системные ресурсы, а также ряд факторов стабильности семейной системы, выделяемые исследователями (Варга, 2001; Крюкова и др., 2005; Левкович, 2009; и др.). Так, к *коммуникативным процессам* мы отнесли семейную коммуникацию, семейную поддержку; к *организационным паттернам* – сплоченность, управление ресурсами, навыки решения проблем в семье, семейные границы, семейные роли и правила, степень финансовой свободы семьи; к *семейным ценностям* – физическое здоровье членов семьи, семейное доверие, общие ценности (например, религия), интересы, взгляды, ответственность, наличие детей, любовь. Во многом такое соотнесение факторов стабильности семейной системы определило методы исследования жизнеспособности семьи.

В основе разработки методов измерения жизнеспособности лежит психологическая теория экологических систем У. Бронфенбреннера, предполагающая как использование описательных методов (материал собирается в ходе бесед, полуструктурированного интервью, наблюдения), так и шкалы, тесты, например тест «Семейные ресурсы» (Махнач, Постылякова, 2002), опросник М. Боуман «Супружеский копинг» (Marital Coping Inventory, 1990) в адаптации Е. В. Куфтяк (Куфтяк, 2010), тест Family Resilience Assessment Scale (FRAS) (Sixbey, 2005).

Эти составляющие и входящие в них ресурсы хорошо согласуются с компонентами внутреннего контекста, которые выделяет П. Босс в контекстуальной модели семейного стресса. Социологический и психологический контексты, отражающие структуру и функции семьи относительно ее границ, распределения ролей, способность/неспособность семьи использовать защитные механизмы при столкновении со стрессом в большой мере соответствуют организационным паттернам, а философский контекст семьи включает ее ценности и верования, убеждения на микроуровне функционирования семьи (см. рисунок 2). Кроме того, такое расширение модели позволяет учесть важные характеристики семейной системы,

Рис. 2. Модель семейной системы с учетом внешних и внутренних ресурсов ФР/ФЖ – фактор риска/фактор жизнеспособности.

такие как *открытость*, отражающую нахождение семьи в постоянном взаимодействии с окружающей средой, и *самоорганизацию*, подразумевающую, что поведение системы целесообразно и источник преобразования системы лежит внутри ее самой.

Мы полагаем, что каждая из этих трех составляющих становится ведущей на определенном этапе жизненного цикла семьи или на определенном временном отрезке. В исследовании факторов жизнеспособности, по нашему мнению, крайне необходимо учитывать описанные контексты в русле *экологического подхода* (Bronfenbrenner, 1979) при изучении жизнеспособности (см.: Махнач, Постылякова, 2012). Внешний контекст (макроуровень функционирования семьи) и его составляющие, согласно П. Босс, характеризуют событие-стрессор и позволяют оценивать восприятие семьей какого-либо события как стрессового. Здесь важно отметить, что каждый уровень функционирования семьи может содержать

в себе и факторы риска, и факторы жизнеспособности для семьи (ФР/ФЖ). Примером могут послужить семьи иммигрантов, приезжающих в Россию из бывших республик СССР. Факторами риска для них могут являться как проблемы, лежащие внутри семьи (незнание или слабое знание языка, финансовые трудности, отсутствие семейной поддержки, если приезжает один человек), а также проблемы макроуровня (значительные культурные различия, статус мигранта, проявления ксенофобии или дискриминации со стороны местного населения). При совладании с подобными проблемами или при стремлении адаптироваться к изменившимся условиям жизни такие семьи могут использовать внешние и внутренние защитные факторы (общение с представителями своей диаспоры, с представителями своей религии, т. е. получение поддержки в рамках своей субкультуры, изучение русского языка, поддержка членами семьи друг друга и др.). От того, насколько семья окажется способной мобилизовать свои внешние и внутренние ресурсы, будет зависеть ее жизнеспособность на определенном временном отрезке. Важным аспектом жизнеспособности семьи в подобных случаях является система разделения всеми членами семьи одной веры, обеспечивающей смысл жизни всей семьи (DeFrain, 1999). Б. Кляйм, А. Элмерс, изучавшие переживших теракты в Лондоне в июле 2005 г., обнаружили, что посттравматический стресс наиболее легко переживался людьми, выросшими в семьях с коллективистской культурой и в тех, в которых вера и религиозность являются частью жизни семьи (Kleim, Ehlers, 2009). На необходимость учета культурно-религиозного контекста при анализе семьи обращал внимание В. Н. Дружинин, когда характеризовал различные типы семейных структур, отношений, ролей в православных, католических и протестантских семьях (Дружинин, 1996).

При ответе на воздействие фактора риска (стресс-фактора) имеющиеся в семье ресурсы будут каждый раз переструктурироваться таким образом, чтобы ответная реакция в виде процессов совладания, адаптации, изменения и др. позволяла достигать конечной цели – разрешения проблемы, адаптации к изменившимся условиям жизни семьи, успешного функционирования семьи при хроническом стресс-факторе (например, наличие в семье ребенка-инвалида).

Запускать функциональный механизм семьи может не только несущий в себе угрозу фактор риска, но и возникающая в процессе жизни семьи любая другая значимая для нее цель, – например, воспитание одаренного ребенка. В этом случае семья будет

задействовать на разных этапах развития ребенка различные ресурсы, стремиться использовать их таким образом, чтобы они сочетались, дополняли ресурсы ребенка, способствовали полному раскрытию его природных способностей и т. п. Если это необходимо, семья может задействовать и различные внешние по отношению к ней ресурсы (культуральные, социальные и т. п.). В этом случае в качестве системообразующего фактора будет выступать вектор «потребность–цель».

По словам Б. Ф. Ломова, «существование систем состоит в их развитии, без которого не может быть понята ни их целостность, формирующаяся и разрушающаяся в ходе развития, ни дифференцированность» (Ломов, 1984). В общем виде функционально-динамическая модель жизнеспособности семьи будет выглядеть следующим образом (см. рисунок 3). Каждая вновь возникающая потребность будет запускать механизм переструктурирования имеющихся внутренних и внешних ресурсов (Р), адекватных ситуации и обеспечивающих тот или иной процесс (совладания, адаптации и т. п.), позволяющий семье достигать определенной цели на каком-либо временном отрезке на протяжении своего жизненного цикла. При возникновении иной потребности тот же процесс будет происходить снова, но привлекаемые ресурсы могут быть другие, использоваться в другом сочетании, в иной последовательности.

По нашему мнению, основной характеристикой жизнеспособности семьи является ее способность достигать различных целей, раз-

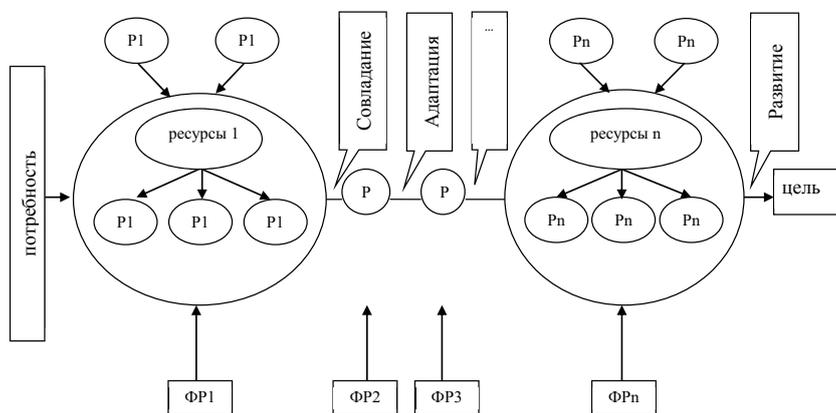

Рис. 3. Функционально-динамическая модель жизнеспособности семьи
 $P_1 \dots P_3 \dots P_n$ – ресурсы. $\Phi P_1 \dots \Phi P_3 \dots \Phi P_n$ – факторы риска.

решать возникающие проблемы, продолжать развиваться. Как уже отмечалось, речь может идти о различной степени жизнеспособности семьи на разных этапах ее жизни или о ее высокой жизнеспособности при столкновении с определенными проблемами, тогда как в других случаях семья будет показывать низкую жизнеспособность.

Таким образом, в определении жизнеспособности семьи мы выделяем ее функционально-динамический принцип, при котором жизнеспособность семьи рассматривается как ее способность к управлению семейными функциями, процессами (совладания, восстановления и пр.), базирующимися на ее ресурсах, внешних и внутренних защитных факторах.

В качестве иллюстрации можно привести пример семьи Л. Н. Толстого. В первые полтора десятилетия ее существования ее можно рассматривать как жизнеспособную – она справлялась со всеми трудностями и кризисами семейного жизненного цикла, была достаточно гибкой в распределении семейных ролей, создавала условия для творчества великого писателя, так как его талант был безусловной ценностью и для семьи, и для всего ее окружения. Однако внутренний мировоззренческий кризис Л. Н. Толстого, который привел его к нравственному противостоянию с Церковью и государством, стал для его семьи испытанием, с которым она не справилась. Изменившиеся взгляды писателя и его решение отказаться от имущества жена не разделяла и не поддерживала, что в значительной мере было продиктовано ее беспокойством о будущем детей. Это стало причиной многих ссор в семье. Часть уже взрослых детей встала на сторону отца, другие приняли сторону матери, что привело к возникновению межпоколенных коалиций, которые ослабляли сплоченность семьи; границы семьи были серьезно нарушены В. Г. Чертовым (секретарем Л. Н. Толстого).

Согласно концепции жизнеспособности семьи, индивидуальные ресурсы членов семьи могут дополнять ресурсы семейные, увеличивая тем самым ее жизнеспособность (Walsh, 2003). Этот феномен также проявлялся в семье писателя. При разрастании и углублении семейного кризиса попытки его преодоления были во многом связаны с использованием супругами своих индивидуальных ресурсов, когда справиться с кризисом совместно уже не получалось. Однако у Л. Н. Толстого это приводило в большей степени к избеганию неразрешимой проблемы. Софья Андреевна, побуждаемая ответственностью за будущее детей, напротив, полностью включилась

в управление имением и доходами, занималась изданием произведений Толстого, на которые имела права, но эти усилия не давали положительного результата.

Таким образом, отсутствие взаимопонимания между супругами, частые ссоры, вмешательство в жизнь и дела семьи посторонних лиц, ослабленная семейная сплоченность, затрудненная коммуникация (часто супруги общались с помощью писем), провоцирующее поведение супругов по отношению друг к другу (попытки ухода Л. Н. Толстого и попытки самоубийства С. А. Толстой), слабеющее здоровье обоих – все это дает основание говорить о том, что семья писателя оказалась нежизнеспособной при преодолении такого кризиса, хотя формально и продолжала существовать.

Заключение

Современное разнообразие тематики и широта проблематики исследований жизнеспособности семьи свидетельствует о крайней актуальности этой темы. Предстоит еще много работы в данной области, которая касается не только построения теории жизнеспособности, но и проверки разрабатываемых в настоящее время подходов к теории жизнеспособности семьи эмпирическими исследованиями. В связи с этим в статье были обсуждены подходы к созданию модели жизнеспособности семьи в общем и некоторых принципиально важных составляющих ее модели.

Необходимо отметить следующее: в ходе анализа исследований жизнеспособности семьи наблюдаются попытки операционализации этого понятия и соотнесения его с уже существующими парадигмами научного описания семьи, – в этом мы видим один из возможных путей операционализации понятия «жизнеспособность семьи».

При изучении жизнеспособности семьи основной акцент, по нашему мнению, должен делаться на исследовании процессов, обеспечивающих жизнеспособность, на изучении способности семьи осознавать весь спектр имеющихся у нее ресурсов (внешних и внутренних) и использовать их адекватно ситуации. Большое значение также имеет дальнейшее исследование различных сочетаний ресурсов семьи в зависимости от целей, к достижению которых она стремится, от возникающих ситуаций и требований, предъявляемых этими ситуациями. Не менее важно понимание того, что жизнеспособность семьи напрямую зависит от сохранения баланса

между факторами риска и факторами жизнеспособности, обеспечивающего семье возможность развития.

В определении жизнеспособности семьи мы выделяем ее функционально-динамический принцип, при котором жизнеспособность семьи рассматривается как ее способность к управлению семейными функциями, процессами (совладания, восстановления и пр.), базирующимися на ее ресурсах, внешних и внутренних защитных факторах. На наш взгляд, жизнеспособность семьи не должна изучаться исключительно через поведение отдельных членов семьи, так как семейная жизнеспособность – это не просто результат агрегированного поведения ее жизнеспособных членов. Взгляд на семью как систему и акцент на экологию семьи должны детерминировать исследования условий, при которых семья формируется жизнеспособной, и таких способов воздействия на эту интегративную характеристику семьи, при которых она в любых условиях сохраняет стабильность.

По нашему мнению, жизнеспособную семью отличает умение активно обращаться к внешним и внутренним ресурсам и использовать нужные, задействуя различные стратегии управления ими, чтобы адаптироваться к меняющимся условиям, изменяться самой и в конечном итоге – развиваться.

Литература

- Варга А. Я. Системная семейная психотерапия: Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001.
- Дружинин В. Н. Психология семьи. М.: КСП, 1996.
- Ковалева Ю. В. Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 50–70.
- Крюкова Т. Л., Сапоровская М. В., Куфтяк Е. В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. СПб.: Речь, 2005.
- Куфтяк Е. В. Совладающее поведение супружеской пары: динамика и структура // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 3. С. 17–24.
- Левкович В. П. Особенности добрачных отношений супругов как фактор стабильности семьи // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 2. С. 87–91.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Махнач А. В., Постылякова Ю. В. Жизнеспособность семьи: психологические ресурсы как защитный фактор семьи // Психологи-

- ческие проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 529–550.
- Boss P.* Family stress // Handbook of marriage and the family / Eds M. B. Sussman, S. K. Steinmetz. N. Y.: Plenum Press, 1987. P. 695–723.
- Boss P.* Loss, trauma, and resilience: Therapeutic work with ambiguous loss. N. Y.: Norton, 2006.
- Bronfenbrenner U.* The ecology of human development. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1979.
- Cicchetti D., Toth S.* Perspectives on research and practice in developmental psychopathology // Handbook of Child Psychology. V. 4. Child Psychology in Practice (5th ed.) / Eds W. Damon, I. E. Siegel, K. A. Renninger. N. Y.: John Wiley and Sons, 1998. P. 479–583.
- Cowan P. A., Cowan C. P., Schulz M. S.* Thinking about risk and resilience in families // Stress, coping, and resiliency in children and families. Advances in Family Research. V. 5 / Eds E. M. Hetherington, E. Blechman. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1996. P. 1–3.
- Cox T.* Stress. Baltimore, MD: University Park Press, 1978.
- DeFrain J.* Strong families around the world // Family Matters. 1999. V. 53. P. 8–13.
- Dekovic M.* Risk and protective factors in the development of problem behavior during adolescence // Journal of Youth and Adolescence. 1999. V. 28. P. 667–685.
- Friedman R. J., Chase-Lansdale P. L.* Chronic Adversities // Child and Adolescent Psychiatry (4th ed.). / Eds M. Rutter, E. Taylor. L.: Blackwell Publishing. 2002. P. 261–276.
- Fonagy P., Steele M., Steele H., Higgitt A., Target M.* The Emanuel Miller memorial lecture 1992: the theory and practice of resilience // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1994. V. 35. P. 231–257.
- Haase J. E.* The Adolescent Resilience Model as a guide to interventions // Journal of Pediatric Oncology Nursing. 2004. V. 21. P. 289–299.
- Haase J. E., Heiney S. P., Ruccione K. S., Stutzer C.* Research triangulation to derive meaning-based quality of life theory: Adolescent resilience model and instrument development // The International Journal of Cancer Supplement. 1999. V. 12. P. 125–131.
- Handbook of family resilience / Ed. D. S. Becvar. N. Y.–Heidelberg–Dordrecht–L.: Springer, 2013.
- Hawley D. R., DeHaan L.* Toward a definition of family resilience: integrating life-span and family perspectives // Family Process. 1996. V. 35. P. 283–298.

- Kalil A.* Family resilience and good child outcomes: A review of the literature. // *Raising Children in New Zealand*. Wellington: Centre for Social Research and Evaluation. 2003.
- Kaplan H. B.* Toward an understanding of resilience: a critical review of definitions and models // *Resilience and development: positive life adaptations* / Eds M. D. Glantz, J. L. Johnson. N. Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 1999. P. 17–84.
- Kim-Cohen J., Gold A. L.* Measured gene-environment interactions and mechanisms promoting resilient development // *Current Directions in Psychological Science*. 2009. V. 18. P. 138–142.
- Kleim B., Ehlers A.* Evidence for a curvilinear relationship between post-traumatic growth and posttrauma depression and PTSD in assault survivors // *Journal of Traumatic Stress*. 2009. V. 22 (1). P. 45–52.
- Lazarus R. S.* *Psychological Stress and the Coping Process*. N. Y.: McGraw Hill, 1966.
- Luthar S. S.* Vulnerability and resilience: a study of high-risk adolescents // *Child Development*. 1991. V. 62. P. 600–616.
- Luthar S. S., Cushing G.* Measurement issues in the empirical study of resilience. An overview // *Resilience and Development: Positive Life Adaptations* / Eds M. D. Glantz, J. L. Johnson. N. Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 1999. P. 129–160.
- Luthar S. S., Cicchetti D., Becker B.* The Construct of resilience: a critical evaluation and guidelines for future work // *Child Development*. 2000. V. 71. P. 543–562.
- Mangham C., McGrath P., Reid G., Stewart M.* *Resiliency: Relevance to health promotion. Detailed analysis*. Halifax: Atlantic Health Promotion Research Centre, Dalhousie University, Canada, 1995.
- Masten A. S., Hubbard J. J., Gest S. D., Tellegen A., Garmezy N., Ramirez M.* Competence in the context of adversity: pathways to resilience and maladaptation from childhood to late adolescence // *Development and Psychopathology*. 1999. V. 11. P. 143–169.
- Matheny K. B., Aycocock D. W., Pugh J. L., Curllette W. L., Silva Cannella K. A.* Stress coping: A qualitative and quantitative synthesis with implications for treatment // *The Counseling Psychologist*. 1986. V. 14 (4). P. 499–549.
- McCubbin H., McCubbin M.* Typologies of resilient families: Emerging roles of social class and ethnicity // *Family Relations*. 1988. V. 37. P. 245–254.
- McCubbin L. D., McCubbin H. I.* Culture and ethnic identity in family resilience: Dynamic processes in trauma and transformation of Indig-

- enous people // Handbook for Working with Children and Youth / Ed. M. Ungar. Thousand Oaks–L.–New Delhi: Sage Publications, 2005. P. 27–44.
- McCubbin M. A., McCubbin H. I.* Family stress theory and assessment: the resiliency model of family stress, adjustment, and adaptation // Family assessment inventories for research and practice (2nd ed.) / Eds H. I. McCubbin, I. Thompson. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin-Madison, 1991. P. 2–32.
- Olsson C. A., Bond L., Burns J. M., Vella-Brodrick D. A., Sawyer S. M.* Adolescent resilience: A concept analysis // Journal of Adolescence. 2003. V. 26 (1). P. 1–11.
- Parke R. D., Buriel R.* Socialization in the family: ethnic and ecological perspectives // Handbook of Child Psychology. V. 3. Child Psychology in Practice (5th ed.) / Eds W. Damon, N. Eisenberg. N. Y.: John Wiley and Sons, 1998. P. 463–552.
- Patterson J. M.* Integrating family resilience and family stress theory // Journal of Marriage and Family. 2002. V. 64 (2). P. 349–360.
- Rutter M.* Psychosocial resilience and protective mechanisms // American Journal of Orthopsychiatry. 1987. V. 57. P. 316–331.
- Sixbey M. T.* Development of the family resilience assessment scale to identify family resilience constructs // Dissertation Abstracts International. 2005. UMI № 3204501.
- Smith G.* Therapist reflections: resilience concepts and findings: Implications for family therapy // Journal of Family Therapy. 1999. V. 21 (2). P. 154–158.
- Walsh F. A.* The Concept of family resilience: crisis and challenge // Family Process. 1996. V. 35 (3). P. 261–281.
- Walsh F.* A family resilience framework: Innovative practice applications // Family Relations. 2002. V. 51 (2). P. 130–137.
- Walsh F.* A family resilience framework // Family Process. 2003. V. 42. P. 1–18.
- Werner E. E.* Risk, resilience, and recovery: perspectives from the Kauai longitudinal study // Development and psychopathology. 1993. V. 5. P. 503–515.
- Wolff S.* The concept of resilience // Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. 1995. V. 29 (4). P. 565–574.
- Wyman P. A., Sandler I. N., Wolchik S., Nelson K.* Resilience as cumulative competence promotion and stress protection: theory and intervention // The Promotion of Wellness in Children and Adolescents / Ed. R. P. Weissberg. Washington, DC: CWLA Press, 2000. P. 133–184.